

Русская литература

№ 2

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1975

Год издания восемнадцатый

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
И. С. Эвентов. В. И. Ленин и мир поэзии	3
А. Ф. Бритиков. Современная военная проза: литературный процесс и поэтика жанров	29
Б. П. Гончаров. О реформе русского стихосложения в XVIII веке (к проблеме ее национальных истоков)	51
В. С. Барахов. Литературный портрет как жанр мемуарной прозы	70

О Б С У Ж Д А Е М П Р О Б Л Е М Ы П Р Е П О Д А В А Н И Я С О В Е Т С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы В В Ы С Ш Е Й Ш К О Л Е

А. И. Метченко. Об изучении и преподавании советской литературы в высшей школе	83
И. К. Кузьмичев. Не приспела ли пора перемен? (О сущности и структуре общего курса по советской литературе)	94
В. С. Синенко. Задачи курса и система преподавания	107
П. А. Бугаенко. Решать назревшие вопросы	115
Л. А. Заманский. К вопросу о построении вузовского курса советской литературы	118
Л. П. Егорова. Изучать единую, многонациональную	127

П У Б Л И К А Ц И И И С О О Б Щ Е Н И Я

Ф. Я. Прийма. Он также был причастен	130
И. Ф. Иовва. Новые материалы о связях Пушкина с декабристами	133
Р. Е. Терехина. Пушкин и Э. А. Волконская	136
В. В. Кожин. Легенды и факты (заметки о Грибоедове, Боратынском, Есенине)	145
В. А. Дьяков. Под сермяжной броней (новые материалы о военной службе А. И. Полежаева)	158
В. Э. Боград. Неизвестное предисловие Н. Г. Чернышевского к «Материалам для биографии Н. А. Добролюбова» (к истории создания книги)	168

(См. на обороте)

Т. А. Сборовская. К литературной биографии Н. Ф. Бажина	179
Л. А. Холодович. Достоевский и японская проза первой четверти XX века	183
Н. К. Михайловский . Письмо к М. М. Лисицыну (публикация З. И. Власовой)	191
К. Д. Бальмонт . Письма к Е. А. Лядскому (публикация И. С. Рождественской)	194
Л. И. Шлионский . О ранних стихах Михаила Исаковского	201

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

Ю. Д. Левин . Из реминисценций английской литературы у Лермонтова	204
Ю. М. Лотман . Об одной цитате у Лермонтова	206
М. И. Храмов . О датировке повести С. Каронина-Петропавловского «Борская колония»	208
Н. И. Никитин, М. Ф. Мурьянов . О первом стихотворении Вл. Соловьева	209

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. В. Творогов . Словари языка писателей	211
В. В. Базанов . К дискуссиям о поэме в современной критике (о некоторых спорных вопросах теории жанра)	222
А. Л. Гольдберг . Русская литература в освещении немецкой печати XVIII века	233
Хорст Флиге (ГДР) . Советская литература в Германии 1920-х годов	237
М. В. Отрадин . Работы о Брюсове 70-х годов	242
Г. Н. Моисеева . Книга о героическом характере русской литературы	249
ХРОНИКА	253

Редакционная коллегия:

В. В. ТИМОФЕЕВА (главный редактор)
В. Г. БАЗАНОВ, А. С. БУШМИН, Л. Ф. ЕРШОВ, В. А. ҚОВАЛЕВ,
К. Д. МУРАТОВА, Ф. Я. ПРИЙМА, Н. И. ПРУЦКОВ

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199164, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 18-16-01

Журнал выходит 4 раза в год

О РЕФОРМЕ РУССКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ

(К ПРОБЛЕМЕ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОКОВ)

Имена Тредиаковского и Ломоносова, крупнейших русских филологов XVIII века, принадлежат не только истории, но и нашей современности. Силлабо-тоническая система русского стихосложения, фундамент которой заложили эти ученые, широко представлена не только в классической русской поэзии XIX века, но, наряду со стихом Маяковского, составляет важный версификационный плацдарм современной советской поэзии.¹ Поэтому споры об истоках реформы представляют собой отнюдь не академический интерес: они затрагивают проблему развития современной русской художественно-речевой поэтической культуры, ее самобытности и своеобразия.

В русской поэзии XVIII века необходимость реформы стихосложения назревала прежде всего потому, что существовавший в книжной поэзии силлабический стих, весьма резко отличавшийся от народно-песенного стиха, своей тяжеловесной формой (чрезмерный слоговой объем строки, постоянная женская рифма) вступал в определенные противоречия с интонационно-синтаксической системой русского языка и сковывал выразительные возможности поэзии. Реформа русского стихосложения была воспринята как естественная, ибо ее авторы, не пренебрегая зарубежным опытом, в поисках новых выразительных средств опирались прежде всего на фольклорную поэзию с ее богатым потенциалом стихотворных форм и учитывали (особенно Ломоносов) законы русского языка во всем их объеме (фонетические, лексико-морфологические и интонационно-синтаксические), рассматривая соответствие этим законам как единственный критерий гармоничности стиха.

Естественно, что деятельность выдающихся русских филологов XVIII века, их вклад в развитие русского стиха, как и сама проблема происхождения русского силлабо-тонического стихосложения, вот уже более двух столетий вызывают оживленную полемику, не прекращающуюся до наших дней. Однако наряду с обсуждением действительно спорных вопросов (например, был ли путь возникновения реформы «революционным» или «эволюционным») некоторые западные филологи пы-

¹ Если С. М. Бонди, который отмечал большое значение стиха Маяковского и других поэтов-новаторов, полагал, что мы наблюдаем «закат» провозглашенного Тредиаковским и Ломоносовым стихосложения (С. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. В кн.: Тредиаковский. Стихотворения. «Советский писатель», 1935, стр. 13, 82 (Библиотека поэта)), то Л. И. Тимофеев спустя почти тридцать лет имел все основания сказать, что основные особенности «тониического» стиха «оказались настолько жизненными, что полностью сохранились и в поэзии нашего времени» (Л. Тимофеев. Василий Кириллович Тредиаковский. В кн.: В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. Изд. 2-е, «Советский писатель», М.—Л., 1963, стр. 32 (Библиотека поэта, большая серия)).

таются подвергнуть ревизии кардинальные проблемы реформы, связанные с ее национальными истоками.

Это последнее стремление наиболее полно отразилось во вступительной статье Римвидаса Силбайориса к осуществленным им переводам стиховедческих трактатов исследователей XVIII века на английский язык в книге «Русское стихосложение. Теории Тредиаковского, Ломоносова и Кантемира».²

Приветствуя то обстоятельство, что англоязычному читателю доступны теперь работы русских теоретиков, мы не можем, разумеется, принять выводов Р. Силбайориса, лишающего стихотворную реформу XVIII века национального своеобразия, ограничивающего ее лишь «приспособлением» и «ассимиляцией» иноязычного стиха.

Не пытаюсь охватить весь комплекс вопросов, связанных с реформой русского стихосложения, мы остановимся на следующих проблемах: 1) сущность реформы, 2) основные факторы и предпосылки реформы, 3) взаимодействие позиций Тредиаковского и Ломоносова в осуществлении реформы. Вокруг этих проблем и разворачивается основная полемика.

* * *

В работе Р. Силбайориса есть и верные суждения, например о «трехстороннем диалоге» Тредиаковского, Ломоносова и Кантемира, сформировавших «новую теорию» (стр. 2), хотя точнее следует говорить о четырехстороннем диалоге, учитывая деятельность Сумарокова.

Разработка реформы русского стихосложения в XVIII веке прошла три этапа: 1) теоретический трактат Тредиаковского 1735 года; 2) «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова (1739) и «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» Кантемира (1744); 3) новое издание трактата Тредиаковского (1752) и его работа «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», вобравшая в себя некоторые положения исследований Ломоносова, Кантемира и статьи Сумарокова «О стопосложении»,³ а также теоретически осмыслившая поэтическую практику Ломоносова, Сумарокова, самого Тредиаковского и других поэтов.

В речи, произнесенной в Академии наук 14 марта 1735 года, Тредиаковский говорил: «... разве только одно сложение стихов неправильною своею затрудит вас может; но и то, мои господа, — продолжал он, — преодолеть возможно, и привести в порядок: способов не нет, некоторые же и я имею».⁴

В конце 1735 года он издал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором широко развил принцип «тбнического» стихосложения⁵ (имеется в виду силлабо-тоническая система). Основные положения новой теории состояли: 1) в обосновании тесной связи языка и стиха; 2) во введении «тбнического» принципа; 3) во введении стопы как вспомогательной категории стиховедения, 4) во введении двусложных размеров, прежде всего хорей.

Тредиаковский исходил из понимания тесной связи языка и стиха; он отмечал, что «способ сложения стихов весьма есть различен по раз-

² Russian versification. The theories of Trediakovskij, Lomonosov and Kantemir by Rimvydas Silbajoris. Columbia univ. press, N. Y. and Lnd., 1968 (далее ссылки приводятся в тексте).

³ А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, изд. 2-е, ч. X, М., 1787.

⁴ Тредиаковский. Стихотворения, стр. 332.

⁵ В. К. Тредиаковский. Избранные произведения, стр. 368 (в дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте).

личию языков» (стр. 366). Критикуя «максимовскую» грамматику Мелетия Смотрицкого, который пытался применить к русскому языку долготу и краткость, характерную для античного стихосложения, теоретик отмечал, что «свойство нашего языка того не терпит» (стр. 366). «Новый способ» Тредиаковский обосновывает и необходимостью учитывать число слогов, «свойственное языку нашему» (стр. 367).

Поэтому, используя традиционные для античного стихосложения понятия долготы и краткости, Тредиаковский вкладывал в них другое содержание, опираясь на особенности именно русского языка: «...долгота и краткость слогов, в новом сем российском стихосложении, не такая разумеется, какова у греков и у латин в сложении стихов употребляется; по токмо *тōническая*, то есть в едином ударении голоса состоящая... в чем вся сила нового стихосложения содержится» (стр. 368).

Итак, Тредиаковский *вводит тонический принцип ритмики*, основанный на противопоставлении ударных и безударных слогов. Этот принцип в той или иной модификации действует в русской поэзии более двух веков. В. Маяковский, вводя паузный принцип формирования ритмики, не отказывается от тонического принципа, но видоизменяет его: определенное расположение ударений тем самым не отменяется, а лишь преобразуется в иную систему.

Тредиаковский разработал и систематизировал основные понятия стиховедения, в той или иной мере сохраняющие свое значение до сих пор: стих (строка), слог, стопа, рифма, перенос и др. Что касается стопы, то это понятие как вспомогательная категория ритмики сыграло положительную роль в связи с вопросом о каденции (ритмической инерции) или, как писал теоретик, — «падении» (стр. 369). Хотя введением понятия стопы Тредиаковский вносил в русский язык словую единицу, которая вступала в определенное противоречие не только с языковым материалом, но и с реальным строением стиха,⁶ в условиях того времени это было прогрессивно, так как нормализовало неупорядоченную ритмику. Позднее, в работе «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» исследователь, ощущая ограниченность регулярной стопности, обосновал необходимость пиррихия — «для премногих в нашем языке многосложных речений» (стр. 449).

В трактате Тредиаковского перечислены основные так называемые двусложные размеры (следует только все время помнить, что терминологически понятие долготы в теории Тредиаковского соответствует ударности): спондей, пиррихий, «хорей или трохей, который состоит из одного долгого и другого короткого слога и которого есть знак сей: — ∪; напоследок иамб...» (стр. 368). В исследовании 1735 года Тредиаковский, пропагандируя «стих героический российский... в тринадцати слогах» (стр. 370), отдавал явное предпочтение хорей и отвергал ямб.

Каковы же предпосылки, которые привели к реформе? Каковы ее исходные моменты? Эти вопросы являются решающими в полемике вокруг вклада Тредиаковского в реформу русского стихосложения.

Можно выделить *четыре основных фактора*, повлиявших на формирование стиховедческой платформы Тредиаковского: 1) процессы тонизации, зрелые в недрах силлабического стихосложения; 2) народная песенная поэзия; 3) опора на данные зарубежной, в частности французской, поэзии и филологии; 4) учет понятий античной метрики примени-

⁶ С. Бонди справедливо критиковал понятие стопы как сугубо условное, но которому стали придавать всеобщее значение (С. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, стр. 96). Абсолютизация этого понятия приводила в школьной поэтике к упрощенному представлению о русском стихе. Справедливая критика стопной теории содержится и в «Очерках теории и истории русского стиха» Л. И. Тимофеева (Гослитиздат, М., 1958, гл. 1, § 14).

тельно к законам русского языка. Хотя необходимо принимать во внимание все перечисленные факторы, первые два значительно важнее.

Спор об «эволюционном» или «революционном» пути появления реформы начался давно и не прекращается до сего времени. Одним из первых обратил внимание на процессы тонизации силлабического стиха Н. Остолопов. Говоря о строении тринадцатисложного стиха Кантемира, Н. Остолопов отметил, что в ряде стихов «последние полустипшия состоят сплошь из правильных стоп, именно из двух амфибрахийев $\cup - \cup \cup - \cup$. Благоприятствующее стопосложению свойство языка Русского невольно внушило стихотворцу употребление стоп, о коем он верно не думал: иначе бы и первые полустипшия уравнил мерою».⁷

Позиция академика В. Н. Перетца, видного исследователя русской поэзии XVIII века, при подходе к оценке факторов порождения реформы Тредиаковского была весьма противоречивой: с одной стороны, исследователь говорил о «влиянии народной песни», о «тонизации силлабических стихов» и даже писал о том, что Тредиаковский «только завершил, так сказать, официально, что назревало в течение многих лет», а с другой стороны, заявлял о «подражании такому же немецкому стиху» и о том, что поэты умели «усвоить чужое и так быстро сделать его своим, родным».⁸ В конечном итоге В. Н. Перетц склонился к тому, что на «счет самого Тредиаковского» может быть поставлено «открытие тонического, вернее метротонического принципа в русском стихосложении».⁹

В. М. Жирмунский отмечал, что Тредиаковский пришел к своей реформе тринадцатисложного стиха «путем отбора ритмических возможностей и дифференциации каденций, объединившихся в силлабическом стихе».¹⁰

Л. И. Тимофеев, обследуя силлабическое стихосложение, сделал вывод, что «равносложность была необходимым сопутствующим, но второстепенным признаком силлабики», в которой выделяется «отчетливый тонический стержень».¹¹

И заслуга Тредиаковского была и в том, что, преобразуя русское стихосложение, он сумел уловить тоническую тенденцию развития русского стиха и отразить ее в своем «Кратком способе...». При подходе к этому вопросу существуют две крайние точки зрения. Одну из них выразил Б. В. Томашевский, который полагал, что «первый трактат Тредиаковского 1735 года стоит всецело на точке зрения силлабического стихосложения».¹² В таком толковании полностью снимается новаторское значение вклада, сделанного Тредиаковым в теорию русского стиха.

Другую точку зрения выразил С. Бонди, который, заявляя о «революционности» открытия Тредиаковского, явно недооценил «непосредственное развитие самого стихосложения», хотя и признал, что многие силлабические стихи «имели явно выраженный тонический ритм».¹³ Точку зрения С. М. Бонди развивает М. Л. Гаспаров,¹⁴ о позиции которого скажем ниже.

⁷ Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, ч. III. СПб., 1821, стр. 222—223.

⁸ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. III. Из истории развития русской поэзии XVIII в. СПб., 1902, стр. 32, 29, 34, 424, 425.

⁹ Там же, стр. 67.

¹⁰ В. Жирмунский. Введение в метрику. Теория стиха. «Academia», Л., 1925, стр. 80.

¹¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 307.

¹² Б. Томашевский. Проблема стихотворного ритма. В кн.: Литературная мысль, II. Пгр., 1923, стр. 124. Статья вошла в сборник Б. В. Томашевского «О стихе» ([Л.], 1929).

¹³ С. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, стр. 94, 87.

¹⁴ М. Л. Гаспаров. Русский силлабический тринадцатисложник. В кн.: Метрика słowiańska. Wrocław, 1971.

Определенные «силлабические» корни «тónического» стихосложения отчетливо проявляются в том, что Тредиаковский взял за основу именно тринадцатисложник — «употребление, от всех наших старых стихотворцев принятое» (стр. 370), а в качестве примера цитировал «стих первый из первой сатиры князя Антиоха Димитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего поэта российского» (стр. 370). И то обстоятельство, что, как заявляет сам С. Бонди, Тредиаковский сохранил «неизменной внешнюю форму старого „силлабического“ стиха (тринадцати- и одиннадцатисложный стих, цезура, женская рифма)»,¹⁵ убедительно свидетельствует, что поэт несомненно ориентировался на данные силлабического стиха; но это никак не должно помешать нам увидеть и новаторские моменты стиховедческого учения Тредиаковского, связанные с введением «тónического» принципа.

Вторым (на наш взгляд, *решающим*) фактором, сыгравшим перво-степенную роль в подготовке теоретической платформы Тредиаковского, была *русская народная песенная поэзия*. По справедливому суждению С. М. Бонди, Тредиаковский из всех возможных тонических вариантов «выбрал один — именно хорейский, повторяющий один из типов народного песенного стиха».¹⁶ На это отчетливо обратил внимание сам автор «Нового способа...»: «... всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему стиху приличного, и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела... Подлинно, почти все званья, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело у самой нашей природной, надревнейшей оной простых людей поэзии. И так всяк рассудит, что не может, в сем случае, подобнее сказаться, как только, что я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячько рублями. Однако Франции я должен и за слова; но искреннейше благодарю россиянин России за самую вещь» (стр. 383—384).

В статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» Тредиаковский цитирует песни, в которых ритмическая инерция или, говоря словами Тредиаковского из трактата 1735 года, «стоп... падение» (стр. 383)¹⁷ тяготеет к хорю и другим размерам:

Отставала лебедь белая
как от стада лебединова.

У колодезя, у студенова,
Доброй молодец сам коня поил,
Красна девица воду черпала.

Ярка не ярка, баран не баран
Стара овечка не яриначка.¹⁸

Думается, С. М. Бонди в данном случае прав — одна из причин такого пристрастия Тредиаковского к хорю и выдвижения его на передний план¹⁹ именно в том, что он широко представлен в народных (в частности, плясовых) песнях:

Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые...

¹⁵ С. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, стр. 96.

¹⁶ Там же, стр. 94.

¹⁷ Г. И. Бомштейн справедливо обращает внимание на роль понятия «каденция» (т. е., по существу, ритмической инерции) в теории Тредиаковского (Г. И. Бомштейн. Тредиаковский-филолог и фольклор. В кн.: XVIII век. Сб. 5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 266—267).

¹⁸ Тредиаковский. Стихотворения, стр. 412.

¹⁹ Л. И. Тимофеев полагает, что «хорейский ритм имел за собой наиболее развитую традицию» в тринадцатисложном силлабическом стихе (Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 326). И. Н. Голенищев-Кутузов отме-

В статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Тредиаковский еще раз вернулся к вопросу об истоках русского стихосложения. Касаясь особенностей «языческого нашего стихотворения», теоретик писал: «И вкратце, количество его слогов было тóническое, или, что то ж, в одном ударении силами слогов состоящее. Стопы не всякого рода употребляемы были; но особливо господствовали в нем хорей или трохей, иамб и пиррихий, дактиль и анапест... рифм они не имели.

Но чем я, спросят, толь прямо сие утверждаю? Неподозрительными, ответствую, и живыми свидетелями. Простонародные наши и те самые древние песни сие точно свойство в стихосложении своем имеют... Итак, многодельное тогда первое наше христианство... не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен и с ними способ... сложения стихов. Сие точно и есть первоуродное и природное наше, с самыми отдаленных древности, стихосложение, пребывающее и дондесь в простонародных, молодецких и других содержаний песнях живо и цело» (стр. 426—428).

Можно, конечно, спорить о той или иной степени фольклорного воздействия на теорию Тредиаковского, однако целый ряд советских исследователей — С. М. Бонди, Л. И. Тимофеев, Д. Д. Благой, Г. А. Гуковский²⁰ и другие — обращали внимание на ее народные истоки. Тем более неубедительной выглядит попытка Римвидаса Силбайориса лишить позицию русского поэта и теоретика национальной почвы.

Американский исследователь стремится оспорить приведенные выше высказывания Тредиаковского, однако его суждения не подкреплены серьезной аргументацией. Так, Р. Силбайорис замечает, что «трудно соотнести формальную организацию тринадцатисложного стиха Тредиаковского, с его хорейской стопой, мужской цезурой после седьмого слога и женской рифмой, с какой-либо особой моделью фольклорного стиха» (стр. 10). Здесь американский ученый допускает ошибку, неправомерно сужая понятие фольклорного стиха. Он включает в него только былинный стих (стр. 10), на который позднее опирались концепции А. Востокова, А. Гильфердинга и П. Голохвастова.

Столь же уязвимо и следующее «доказательство» Р. Силбайориса: «...даже называя народное стихосложение как свою модель, он (Тредиаковский, — Б. Г.) отказывался допустить трехсложные размеры в свою новую систему и сопротивлялся введению ямба» (стр. 10). Однако стоит лишь вспомнить, что Тредиаковский опирался на народные песни с хорейской основой, которые и являлись «моделью» его системы, как становится ясной несостоятельность критических замечаний американского автора.

Без всякой аргументации Р. Силбайорис отрицает знакомство Тредиаковского с образцами народной поэзии. «Отнюдь не очевидно, — пишет он. — что Тредиаковский даже серьезно изучал народное стихосложение сверх цитирования нескольких примеров русских народных песен, в которых он стремился найти образцы различных силлабо-тониче-

чал, что «ямб не был столь привычен русскому уху, как хорей (Тредиаковский был дактило-хорейским витязем!)» (И. Голенищев-Кутузов. Славянские литературы. Статьи и исследования. Изд. «Художественная литература», М., 1973, стр. 387; см. также стр. 388).

²⁰ Д. Д. Благой писал: «...мы имеем право со всей решительностью утверждать, что преобразование Тредиаковским нашего стиха строится на национально-русской, да к тому же и народной основе» (Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 4-е, пересмотр., Учпедгиз, М., 1960, стр. 131). В работе Г. А. Гуковского «Тредиаковский как теоретик литературы» показана борьба теоретика за самостоятельность русской художественной и речевой культуры, обращено внимание на значение «национальных основ русской речевой культуры» в концепции Тредиаковского (Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 47).

ских размеров» (стр. 10). Но это суждение свидетельствует лишь о том, что ученый невнимательно читал теоретические работы, которые взялся комментировать. Во-первых, о тщательном знакомстве Тредиаковского с народной поэзией говорят приведенные выше его высказывания, которые явились теоретическим осмыслением фольклорного материала. Во-вторых, фольклорный материал Тредиаковский цитирует неоднократно. Достаточно привести несколько примеров. Комментируя наполнительные частицы (или, как он их называет, «незнаменательные слова») в церковных песнопениях, Тредиаковский обращается к аналогиям из фольклора: «Равно и простой народ в некоторых своих песнях, и в подобном случае, такие ж употреблял незначащие ничего слова: здуинай, найпай, здуши. Подлого народа употребление сие и ныне еще слышать всякому можно...» (стр. 427, прим. 1).²¹ Разве смог бы он так легко оперировать примерами из фольклорных текстов, если бы не занимался ими постоянно?

Говоря о рифме, Тредиаковский обращается к пословицам и поговоркам. Так, он писал: «Наш народ толь склонен к рифмам, что и в простых присловицах, не стихами сочиненных, часто, не знаю по какой влекущей к ним врожденной приятности, слух любит ими услаждаться. Примером тому сия пословица: „я человек простой, ем пряники не писанные: хоть бы гладки, только бы сладки“, и прочие премногие» (стр. 409). Неужели «прочие премногие» пословицы (как и песни) не составляли мощного арсенала фактов теоретика и историка русского стиха?

Еще при переводе романа Поля Тальяна «Езда в остров Любви» (1730) «обращение к народной поэзии подсказало Тредиаковскому ряд словосочетаний, которые он удачно использовал для характеристики героини: у Амингы „ясные очи“, „уста сахарные“, „речь сладкая“. В предисловии „К читателю“ Тредиаковский привел несколько русских пословиц».²²

Эту традицию обращения к фольклорной поэзии Тредиаковский продолжил в своем первом теоретическом трактате. Например, рассуждая о «сатирических эпистолах» и советуя оберегать честь критикуемого, автор ссылаясь на пословицу: «Что написано пером, не вырубишь никогда топором» (стр. 389). В одной из эпиграмм поэт писал:

Зол ты, друг! зла и жена, дети злы, зла сватья;
Правда, игумен каков, такова и братья.

(стр. 416).

Формула цитирования «и прочие премногие» у Тредиаковского неоднократно. В разделе трактата 1735 года «О вольности, в сложенни стиха употребляемой» теоретик говорил, в частности, о «прилагательных с своими существительными». (т. е. постоянных эпитетах), которые «в особливой поэзии (но весьма долгою и краткостию слогов мерной), у нашего простого народа употребляемые, например: *тугой лук, бел ша-тер* и прочие премногие подобные» (стр. 379).

Р. Силбайорис настаивает, что обращения Тредиаковского к свойствам нашего языка, как и особенностям фольклорного стихосложения, «не являются достаточно специфичными, чтобы их можно было использовать в объяснении его теорий» (стр. 17). Но даже приведенные выше примеры свидетельствуют, что это и другие подобные суждения крайне легковесны и противоречат фактам.

²¹ К подобным явлениям обращался и Ломоносов, но интерпретировал их как осмысленные восклицания типа «дунай» и т.п. См.: П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор. В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 111.

²² Г. Н. Моисеева. Ломоносов и древнерусская литература. Изд. «Наука», Л., 1971, стр. 227—228.

Противоположной крайностью является точка зрения А. В. Позднеева. С одной стороны, он вполне справедливо считает, что, изучая возникновение новой системы стихосложения, нельзя «замалчивать или преуменьшать значение песенной поэзии».²³ Но в то же время он приходит к спорному, недостаточно аргументированному выводу, что «силлабо-тоническая песня появляется в рукописных песенниках уже в 70-х годах XVII в.».²⁴ Для доказательства подобного суждения А. В. Позднеев отсылает читателей к своей работе «Рукописные песенники XVII—XVIII веков», где цитировались образцы силлабо-тонических стихов, в частности мастера акростиха Германа, с отчетливой хорейческой каденцией:

Ангелскую днесь вси радость
Человеческую сладость...
Пиво новое пиюще,

Песнь веселую поюще:
Светися, светися новый
Иерусалиме добрый.²⁵

Однако в своих ранних работах исследователь делал более осторожные выводы: «Силлабо-тонические стихи в его (Германа, — Б. Г.) песнях — удачная находка, но еще не система — они являются частным случаем силлабики».²⁶

Конечно, появление пусть даже отдельных образцов силлабо-тонических стихов показательно: оно свидетельствует о том, что силлабо-тоника не воспринималась как нечто инородное по отношению к силлабическому стиху. Но проблема тонизации стиха применительно к песне (книжной и в рукописных песенниках) должна получить иной поворот, связанный с особым ее жанром — музыкально-поэтическим. Сейчас все большую поддержку получает развиваемая Л. И. Тимофеевым концепция «о синкретическом характере древнерусской поэзии, о нерасчлененности текста и напева».²⁷ Это обстоятельство признает и А. В. Позднеев,²⁸ но не придает ему должного значения.

Вновь привлекла внимание к тонизации русского силлабического стиха искусствовед Т. Ливанова, которая в итоге изучения ряда рукописных песенников пришла к выводу, имеющему не только музыковедческое, но и филологическое значение: «Выдающийся интерес, если вдуматься, представляет то, что силлабические тексты трактуются в музыке *подчеркнуто тонически* (!). Если взятый отдельно текст „Кто крепко на бога уповал“ (автор — Феофан Прокопович) может служить примером силлабического стихосложения, то этот же текст в качестве канта, т. е. определенным образом... распетый, может служить примером „насиленной“ тонизации силлабического стиха, проведенной неуклонно. Думается, что подобного рода наблюдения могут в конце концов привести к важным и неожиданным выводам. Разве не примечательно, что накануне победы тонической системы и независимо от каких-либо теоретических выкладок силлабические стихи тонизировались глубоко в быту, в широкой жизненной практике, в исполнении людей, быть может, во-

²³ А. В. Позднеев. Стихосложение в песенной поэзии XV—XVII веков. В кн.: Вопросы русской литературы, вып. 3 (15). Изд. Львовского университета, Львов, 1970, стр. 51. А. В. Позднеев верно пишет о том, что «главное внимание в тоническом стихосложении было направлено на исследование былинного стиха. Изучение же стиха народных лирических песен оставалось почти без внимания» (там же).

²⁴ Там же, стр. 50.

²⁵ «Ученые записки Московского гос. заочного педагогического института», т. I, 1958, стр. 17.

²⁶ Там же, стр. 18. Ср.: А. В. Позднеев. Песни-акростихи Германа. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIV, 1958, стр. 367.

²⁷ А. М. П а н ч е н к о. Русская стихотворная культура XVII века. Изд. «Наука», Л., 1973, стр. 7.

²⁸ А. В. Позднеев. Проблемы изучения поэзии петровского времени. В кн.: XVIII век. Сб. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 29.

обще не помышлявших о какой бы то ни было системе стихосложения? Тонизация силлабического стиха свидетельствовала о тяге к стиху песенному, народному, а то, что она осуществлялась в канте, означало ее очень большую широту и органичность, ее бытовую подоснову».²⁹

Следовательно, Тредиаковский в своем трактате 1735 года сформулировал то, что подспудно носилось в воздухе. Тяга передовых слоев русского общества к народному песенному стиху обрела в Тредиаковском своего теоретика.

Третий фактор реформы — учет достижений зарубежной (французской и немецкой) филологии и поэзии. П. Н. Берков упорно защищал тезис о большой роли «немецкой версификации» в формировании стиховедческого учения Тредиаковского.³⁰ Но сам реформатор отчетливо заявлял о значении дефиниций («слов») французской версификации (стр. 384). Следует иметь в виду и систему французских обозначений, применяемую Тредиаковским одновременно с русскими и латинскими.

Современного исследователя русского стихосложения и стиховедения XVIII века подстерегают две опасности: 1) стать на точку зрения изучаемых теоретиков, чуть ли не подключиться к полемике между ними; 2) модернизировать историко-литературный процесс; при этом позднее введенные в обиход факты, в XVIII веке неизвестные или не имевшие большого влияния, произвольно накладываются на ход литературного развития.

Первая крайность в какой-то мере свойственна комментаторам седьмого тома «Полного собрания сочинений» Ломоносова Г. П. Блоку и В. Н. Макеевой, которые, подобно Б. В. Томашевскому, полагали, что Тредиаковский «стоял еще всецело на точке зрения силлабического метра», и проводил неплодотворное противопоставление деятельности Тредиаковского и Ломоносова: «...подлинным отцом русского тонического стихосложения является бесспорно не Тредиаковский, а Ломоносов».³¹ Такое суждение вызвало справедливый протест А. А. Морозова.³²

Другая крайность свойственна ряду исследователей, которые (подобно В. Н. Перетцу) преувеличивали значение стихотворных опытов Глюка, Пауса и других иностранцев. Б. В. Томашевский не без иронии писал: «...одно время была теория, согласно которой Тредиаковский не выдумал свою метрику, а украл ее...»³³

Полемизируя со сторонниками этой точки зрения, английский ученый Дж. Смит на материале анализа рифмовки и строфики убедительно показал различие между стихом Глюка и Пауса и Тредиаковского. Вывод Смита гласит: «...два немца не сделали прочного или влияющего вклада в развитие русского силлабо-тонического стиха. Претензия Перетца, рассматривающая меру и плодотворность их вклада, должна быть отклонена как недоказанная».³⁴

²⁹ Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы, т. I Музгиз, М., 1952, стр. 477—478. О тонизации стиха Тредиаковского см. стр. 56.

³⁰ П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 26, 27, 47.

³¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII (Труды по филологии. 1739—1758), Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 783.

³² А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 483, примеч. 218.

³³ Б. В. Томашевский. Стилистика и стихосложение. Учпедгиз, Л., 1959, стр. 326.

³⁴ G. S. Smith. The Contribution of Glück and Paus to the Development of Russian versification: the Evidence of Rhyme and Stanza forms. «The Slavonic and East European review», Cambridge univ. press, vol. LI, № 22, 1973, p. 34. Справедливую критику попыток приписать открытие Тредиаковского двум иностранцам см. в «Очерках...» Л. И. Тимофеева (стр. 319—327). В. М. Жирмунский полагал, что

Р. Силбайорис высказывает несколько иное предположение. «... Существует реальная возможность, — пишет он, — что силлабо-тонический принцип был внушен Тредиаковскому не стихами Пауса (и других), а немецкими учеными, с которыми он работал в академии» (стр. 13), тут же, однако, оговариваясь, что прямыми документальными доказательствами он не располагает (стр. 13).

Необоснованному предположению Р. Силбайориса можно противопоставить высказывание М. П. Штокмара, который еще в 1952 году писал: «... надо удивляться упорству, с которым и до нашего времени некоторые литературоведы продолжают подыскивать обрусевших иностранцев, которым можно было бы приписать честь реформы русского стихосложения и тем самым свести труд Тредиаковского чуть ли не к плагиату».³⁵

В итоге всяческих допущений образ Тредиаковского-теоретика предстает под пером Р. Силбайориса крайне обедненным: «В заключение можно сказать, что Тредиаковский в трактатах 1735 и 1752 годов демонстрирует схоластический ум, который ищет удовлетворения скорее в каждом правиле и логическом определении, чем в реальностях русского языка» (стр. 35).

Четвертый фактор, способствовавший созданию стиховедческой платформы Тредиаковского, — ориентация на данные античной метрики: это и система обозначений, номенклатура размеров, а главное — сохранение по традиции понятия долготы, которому реально соответствует ударность слога, и краткости, которой соответствует безударность. Даже Р. Силбайорис признает, что «Тредиаковский приспособил терминологию античной греческой и латинской версификации к своей новой системе в манере, согласующейся с реальностями русского языка» (стр. 16). Учет исходных данных античной версификации, преобразованных применительно к законам русского языка, несомненен.

Из всего сказанного совершенно очевидно, что Тредиаковский был высокообразованным ученым с большим филологическим чутьем. Он сформулировал тонический принцип русской метрики, опираясь на данные литературного развития и фольклорной поэзии, с учетом традиций русской и зарубежной науки.

Значение достижений Тредиаковского не могут умалить определенные противоречия в его стиховедческой теории и непоследовательность его преобразований: ориентация прежде всего на слоговую форму силлабического стиха, выдвигание на первый план хорей (как видим, вполне объяснимое), недооценка трехсложных размеров, традиционное выделение женской рифмы и др. Противоречия Тредиаковского особенно легко понять, если принять во внимание не только теоретические работы ученого, но и его стихотворную практику.³⁶

Значение «Краткого способа...» также в том, что его автор привнес в систему поэтические жанры; эта работа Тредиаковского имеет и более широкое, общелитературное значение.

В. Н. Перетц придал трудам Пауса и Глюка «несомненно преувеличенное значение» (В. М. Жирмунский. О национальных формах ямбического стиха. В кн.: Теория стиха. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 8, прим. 3). К. Д. Вишневский, разбирая опыты Глюка и Пауса, писал: «Необходимость рабского копирования формы при весьма слабом знании русского языка привела к вопиющему искажению русской речи» (К. Д. Вишневский. Русская метрика XVIII века. «Ученые записки Пензенского гос. педагогического института им. В. Г. Белинского», т. 123, серия филологическая, 1972, стр. 136).

³⁵ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 17.

³⁶ См. об этом в вышеназванных работах С. М. Бонди и Л. И. Тимофеева.

* * *

Следующий этап реформы русского стихосложения связан с созданием в 1739 году «Письма о правилах российского стихотворства» 28-летнего студента М. В. Ломоносова. Анализируя это «Письмо...», П. Н. Берков сразу же начинает с «расхождений» Ломоносова и Тредиаковского в вопросах стихосложения,³⁷ не говоря ни слова о том общем, что объединяло их позиции.

Еще резче «противительная интонация» звучит в работах С. В. Калачевой. Когда знакомишься с ее учебным пособием по стихосложению, создается впечатление, что трактата Тредиаковского 1735 года вообще не существовало. По ее словам, «силлабо-тонический стих, появившись в русской литературе в 30-е годы XVIII в. в лирике Тредиаковского, благодаря творчеству Ломоносова и его теоретической работе завоевывает общее признание в 40-е гг.»³⁸ Иногда можно встретить работы, где в связи с реформой упоминается только имя Ломоносова.³⁹

А между тем Ломоносов активно соотносит свою позицию с трактатом Тредиаковского: неоднократно полемизирует с ним и т. п. Поэтому чтобы осмыслить *реформу русского стихосложения как целостное и внутренне единое явление*, следует прежде всего выделить *общее* в стиховедческих воззрениях этих двух теоретиков. Эта общность проявляется в нескольких моментах.

Во-первых, как и Тредиаковский, Ломоносов одним из «оснований» своей платформы считает тесную связь стиха и языка: «Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить».⁴⁰ Как не вспомнить, что Тредиаковский писал о значении «свойств нашего языка» (стр. 366).

Во-вторых, вслед Тредиаковскому, который провозглашал долготу и краткость «тónическую, то есть в едином ударении голоса состоящую» (стр. 368), Ломоносов формулирует свое первое правило: «... в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает» (стр. 10). Как и Тредиаковский, Ломоносов не может до конца отказаться от античной «одежки».⁴¹ Этот, второй, пункт особенно отчетливо свиде-

³⁷ П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 66. В этой работе справедливо обращается внимание на различие между Ломоносовым и Тредиаковским в разработке проблем стихосложения, но сходство их стиховедческих позиций явно недооценивается.

³⁸ С. В. Калачева. Стихосложение. (Из курса лекций по «Введению в литературоведение»). Изд. Московского университета, 1970, стр. 23. Еще более отчетливо эта мысль выражена в тезисах доклада С. В. Калачевой «Историческая обстановка осуществления стихотворной реформы в русской поэзии XVIII в.» на совещании стиховедов в ИМЛИ (3 февраля 1974 года): «Тредиаковский выступает защитником силлабического принципа организации стиха», а Ломоносов проводит силлабо-тонический принцип «в опровержение Тредиаковского».

³⁹ В. А. Никонов. Стих и язык. (Полемические заметки). В кн.: Проблемы восточного стихосложения. Сборник статей. Изд. «Наука», М., 1973, стр. 13; В. А. Западов. Русский стих XVIII—начала XIX века. (Ритмика). (Лекция). Л., 1974, стр. 21. В. А. Западов пишет, что силлабо-тоническую систему ввел Ломоносов, а вклад Тредиаковского ограничивает «принципом произвольной взаимозаменяемости стоп».

⁴⁰ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 9—10 (далее ссылки на этот том приводятся в тексте).

⁴¹ А. Будилевич обратил внимание на сходство позиций Тредиаковского и Ломоносова по отношению к роли «родного языка» и в истолковании античной долготы как ударности (Антон Будилевич. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869, стр. 113, 114). Б. В. Томашевский говорил, что «по существу письмо Ломоносова... является не чем иным, как полемическим письмом по поводу книжки Тредиаковского» (Б. В. Томашевский. Стилистика и стихосложение, стр. 327), но недостаточно показал сходство позиций теоретиков.

тельствует, что *Ломоносов находился под несомненным и весьма ощутимым влиянием своего предшественника.*

В-третьих, как и Тредиаковский, Ломоносов апеллирует к данным «природного произношения» (стр. 10); его предшественник применительно к рифме писал, что следует «прибирать не противный слуху и согласный первому стиха окончанию звон» (стр. 381), что рифма «состоит токмо в ладе звона» (стр. 384). «Звон», т. е. произнесение, звучание стиха, признавался обоими авторами в качестве основы при формировании теоретических положений в области стихосложения.

В-четвертых, вслед за Тредиаковским, Ломоносов критикует грамматику Смотрицкого именно за перенесение особенностей античных языков в не свойственную им систему русского языка: «Того ради совсем худо и свойству словенского языка, который с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий...» (стр. 10). В-пятых, как и Тредиаковский, Ломоносов использует понятие стопы (стр. 13).

Но выступая вместе с Тредиаковским в ряде принципиальных суждений и опираясь на разработанный этим ученым «тónический» принцип, Ломоносов полемизирует с некоторыми положениями своего предшественника. Эту полемику можно свести к следующим моментам, показывающим *новаторство* Ломоносова: 1) борьба против искусственных ограничений слогового объема стиха; 2) расширение номенклатуры размеров; 3) введение разнообразных и равноправных типов рифмы.

Если Тредиаковский полагал, что «эксаметр наш не может иметь ни больше, ни меньше тринадцати слогов» (стр. 382), и предписывал строгое расположение стоп в «героическом российском стихе» (стр. 370), то Ломоносов, опираясь, в частности, на немецкую версификацию, полностью снимает нормативность, идущую от традиции силлабического стиха: «В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство, так что в наши стихи без всякия нужды двое сложные и трое сложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем» (стр. 12).

Сопоставляя русское стихосложение с античным и немецким, Ломоносов, полемически отталкиваясь от французской поэзии, делает упор на самостоятельность русского стиха, основанную на свойствах языка: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может» (стр. 13).

Если Тредиаковский в качестве ритмической основы русского стиха выдвигал хорей, то Ломоносов демонстративно выставляет ямб в качестве ритмической основы русского стиха, смело вводит трехсложные размеры анапест и дактиль, а хорей помещает лишь на четвертое место (стр. 13—14). Введение трехсложных размеров было важным пунктом в «Письме...» Ломоносова, ибо резко расширило возможности русского стихосложения.

Если Тредиаковский ограничивал русскую рифму женской, то Ломоносов, классифицируя рифмы на мужские, женские и «от третьего слога начинающиеся» (дактилические), полемизирует с суждениями своего предшественника и показывает истоки женской рифмы (стр. 15—16). В качестве аргументации Ломоносов ссылается на законы русского языка и данные «других европейских языков» (стр. 16). Он полемически откликается на слова Тредиаковского, который уподоблял сочетание стихов с мужской и женской рифмой браку юной «европейской красавицы» и «дряхлого, черного и девяносто лет имеющего арапа» (стр. 383): «Никогда бы мужская рифма перед женскою не показалась, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипоклоняемою,

наиневнейшей и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею» (стр. 16).⁴²

Весьма важно то, что Ломоносов сопровождал свое письмо ямбической одой на взятие Хотина, где его теоретические положения четко реализовались на практике.

Сопоставление принципиальных суждений Тредиаковского и Ломоносова позволяет сделать вывод, что Ломоносов в своем «Письме» лишь усовершенствовал и довел до логического завершения возможности, заложенные в разработанном Тредиаковским тоническом принципе. Поэтому едва ли правомерна позиция тех исследователей, которые резко противопоставляют трактаты Тредиаковского и Ломоносова.

Резкую полемику вызывает вопрос об отношении Ломоносова к фольклорной поэзии и проблема иноязычных влияний на стих этого поэта. М. Л. Гаспаров полагает, например, что «ломоносовская реформа слишком решительно перерубила естественный ход развития русского стиха». Он считает, что «при Петре Россия стала воспринимать культуру из вторых рук, через Германию, и русский силлабо-тонический стих развился как подражание немецкому». ⁴³ Еще резче сказано в статье «Русский ямб и английский ямб»: «... русская система размеров складывалась под влиянием французского и немецкого стиха XVII—XVIII вв.» ⁴⁴ Влиянию русского фольклорного стиха в этой односторонней концепции места не остается! ⁴⁵ Впрочем, М. Л. Гаспаров признает, что выбор Тредиаковским в качестве основной стопы хоря «восходит (по собственному свидетельству Тредиаковского) к русской народной метрике». ⁴⁶

Поскольку В. М. Жирмунский неоднократно обращался к проблеме национальной специфики русского стиха, целесообразно привлечь мнение этого крупного филолога.

В статье «О национальных формах ямбического стиха», полемизируя с Б. Унбегауном, исследователь отмечал, что современные советские теоретики стиха «исходят из факта зависимости формы стихосложения от национальной специфики языкового материала, хотя зависимость эта понимается ими не односторонне, механически, а с учетом диалектического характера взаимодействия между ними». ⁴⁷ Характеризуя это взаимодействие, исследователь продолжал: «Это взаимодействие проявляется:

⁴² Сопоставление стиховедческих позиций Тредиаковского и Ломоносова см. в комментариях Г. П. Блока и В. П. Макеевой к VII тому полного собрания сочинений Ломоносова (стр. 787—789). Пометы Ломоносова на трактате Тредиаковского описаны в книге П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени» (стр. 54—63).

⁴³ М. Л. Гаспаров. Русский силлабический тринадцатисложник, стр. 39, 62.

⁴⁴ Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского. Изд. «Наука», Л., 1973, стр. 409.

⁴⁵ В своей рецензии на мою книгу «Звуковая организация стиха и проблемы рифмы» (М., 1973) Джеймс Бэйли (James Bailey), который прошел мимо основной ее темы и ограничился защитой «лингвистического статистического метода» (ведь все дело — в удельном весе статистики, и поэтому пафос ее защиты мало понятен), полемизируя по частностям, в качестве одной из допущенных мною «неточностей» приводит следующее положение: «... русский силлабо-тонический стих... эволюционировал из силлабического стиха» («Slavic and East European Journal», Madison, vol. 17, № 2, 1973, p. 221). Но на стр. 200 моей книги нет такого тезиса, который Дж. Бэйли опровергает со ссылкой на статью М. Л. Гаспарова «Русский силлабический тринадцатисложник». На стр. 200 (примеч. 15) я ссылаюсь на «существующую точку зрения (В. Н. Перетц, Л. И. Тимофеев, Г. А. Гуковский, А. В. Позднеев) о том, что возникновение силлабо-тонической системы... — это длительный исторический процесс; подготовка этой системы протекала в недрах силлабического стиха». К перечисленным именам следует присоединить и В. М. Жирмунского. Ведь и М. Л. Гаспаров в указанной статье (стр. 52) признает, что некоторые сочетания ударений в полуступициях «образуют правильные силлабо-тонические размеры».

⁴⁶ М. Л. Гаспаров. Русский силлабический тринадцатисложник, стр. 63.

⁴⁷ В. М. Жирмунский. О национальных формах ямбического стиха, стр. 9.

1) в традиции поэтических форм у данного народа; 2) в фактах иноязычных воздействий, переоформляемых в соответствии с особенностями языка и его поэтическими традициями; 3) в индивидуальной творческой инициативе поэтов и поэтических направлений, ищущих новых средств для адекватного художественного выражения новых жизненных переживаний и эстетических тенденций».⁴⁸

В концепции М. Л. Гаспарова явно недооцениваются внутренние законы языкового и поэтического развития, которые едва ли возможно прямо соотнести только с теми или иными социально-культурными акциями (например, реформой Петра I); недооцениваются «традиции поэтических форм» и «особенности языка и его поэтические традиции», о которых писал В. М. Жирмунский; а эти «особенности языка» очень устойчивы. Тем самым снимается проблема национальных предпосылок и внутренней языковой и поэтической обусловленности реформы Тредиаковского и Ломоносова, что не может не привести к явным упрощениям историко-литературного развития и облегченным решениям, все объясняющим сплошными «влияниями».⁴⁹ Дело, видимо, и в том, что из локальных наблюдений, ограниченных статистических операций, отвлеченных от всего комплекса бытования и развития стиха (в том числе — в музыкально-речевой культуре),⁵⁰ сделаны чрезмерно широкие общие выводы.

Еще более упрощенной выглядит та оценка, которую дает трактату Ломоносова Р. Силбайорис: «„Письмо“ Ломоносова не представляет собой ограничивающей версификационной системы, как трактат Тредиаковского; оно просто свидетельствует, что русские поэты свободно приспособлявали и ассимилировали ту стихотворную технику, которая соответствовала структуре русского стиха» (стр. 23). «Природное нашего языка свойство», его «природная и свойственная версификация», о которых писал Ломоносов, оставлены без внимания.

С вопросом о различных факторах реформы Тредиаковского и Ломоносова связана проблема «Ломоносов и фольклорная поэзия», которая порой трактуется ошибочно. На том основании, что Ломоносов сделал ироническую запись на полях «Нового способа...» Тредиаковского, некоторые исследователи делают вывод об отрицательном отношении ученого к возможностям народной поэзии. На самом деле все значительно сложнее.

Как установил П. Н. Берков, первоначальная реакция Ломоносова на слова Тредиаковского о «самых внутренностях свойства нашему стиху приличного» была положительной.⁵¹ И, невзирая на последующий иронически-издевательский каламбур, приведенная Ломоносовым народная песня с хорейческой каденцией объективно подтверждает тезис Тредиаковского о значении песен с хорейской основой для формирования реформы стихосложения:

По загуменью игуменья идет,
За собою мать черна быка ведет.⁵²

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Так, например, М. Л. Гаспаров в статье «Русский силлабический тринадцатисложник» пишет об «источниках тонической реформы Тредиаковского»: «Основной принцип измерения стиха стопами, а не слогами, восходит к античной метрике. Отождествление античных стоп (состоящих из долгих и кратких слогов) с тоническими стопами (состоящими из ударных и безударных слогов) восходит к голландской и германской метрике» (стр. 62). Интересно, к какому иностранному источнику восходит мысль Тредиаковского, что стихи, состоящие из 4—9 слогов, «должны пасть... падать слогами, а не стопами» (стр. 406)?

⁵⁰ См.: Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, т. I; Ю. В. Келдыш. Русская музыка XVIII века. Изд. «Наука». М., 1965.

⁵¹ П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор, стр. 109.

⁵² Там же. П. Н. Берков приводит аналогичные песни из сборников Соболевского (стр. 110).

И было бы странно, если бы Ломоносов, уроженец Беломорского севера с его богатыми фольклорными традициями,⁵³ игнорировал культуру фольклорной поэзии. Как показали советские исследователи, в трудах Ломоносова неоднократны примеры из фольклорных источников — песен, былин, пословиц и поговорок.⁵⁴

Недавно было высказано суждение, противопоставляющее позиции Тредиаковского и Ломоносова в их отношении к народной поэзии: «... во второй четверти XVIII в. имели место целых две реформы. Одна из них как на почву поэзии указывает на частую (скорую) народную песню и свойственную ей просодию древнерусского народного языка. Другая базируется на просодии современного ей литературного языка вне связи с народным творчеством».⁵⁵ О «целых двух реформах» едва ли правомерно говорить хотя бы потому, что без сформулированного Тредиаковским «тонического» принципа дальнейшие изыскания Ломоносова вообще не могли бы состояться. Какова же аргументация тезиса, что «ориентация Тредиаковского на старую народную песню была ориентацией на просодию древнерусского народного языка с его длинными фонетическими словами»?⁵⁶

Ведь сам Тредиаковский указывал не только на фольклорный источник, но и на свойства *современного* ему языка: «К хорею меня привело свойство нашего языка, для того что периоды наши чаще и мернее оканчиваются хореем...» (стр. 442). Что же касается «просодии древнерусского народного языка», то ее особенности определяются в работе В. С. Баевского со ссылкой на исследование М. П. Штокмара, в своей позитивной части отнюдь не бесспорные. Настаивая на том, что слова в русской народной песне «длиннее», М. П. Штокмар обратился для доказательства этого... к былинке и даже писал о «своеобразии русских народно-песенных и былинных ритмов», которое он установил с помощью анализа слов в былинке.⁵⁷ Показатель числа слогов на одно ударение (3,8 слога на одно ударение вместо 2,8 в современном литературном языке)⁵⁸ не может считаться установленным достоверно. Не говоря уже о том, что *ритмика песен и былин отнюдь не тождественна и не может трактоваться как единое целое*, по отношению к былинке очень трудно мотивировать определенную манеру чтения и, соответственно, ту или иную расстановку ударений — ведь очень многое зависит от напева, приводящего к атонированию, перемещению ударений, изменению слогового объема строки и т. п.

Неверно и суждение, что Ломоносов отбрасывал данные фольклора и древнерусского языка. В содержательной монографии Г. Н. Моисеевой

⁵³ О фольклорной культуре Беломорского севера см. в книге А. А. Морозова «М. В. Ломоносов. Путь к зрелости» (стр. 22—26).

⁵⁴ П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор, стр. 110 и сл.; Г. И. Бомштейн. Русское народное поэтическое творчество как материал филологических работ Ломоносова. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1957, т. XVI, вып. 2, стр. 159; Д. И. Павлий. М. В. Ломоносов и народна поезія «Народна творчість та етнографія», 1961, кн. 4, стор. 38.

⁵⁵ В. С. Баевский. Стих русской советской поэзии. Пособие для слушателей спецкурса. Смоленск, 1972, стр. 17.

⁵⁶ Там же, стр. 15.

⁵⁷ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения, стр. 238, 235.

⁵⁸ Там же, стр. 237. Во многом справедливая критика позиции М. П. Штокмара содержится в указанной выше статье В. А. Никонова «Стих и язык» (стр. 8—9), хотя ее автор впадает в противоположную крайность и преувеличивает значение «поэтического стиля»: «Систему стихосложения диктует не язык, а стиль, обусловленный историческим развитием общества» (стр. 13). Подобная «противительная интонация» упрощает сложность языкового развития и историко-литературного процесса, где взаимодействует ряд языковых, художественно-литературных и социально-культурных факторов; абсолютизация одного из них едва ли правомерна.

«Ломоносов и древнерусская литература» на основе анализа большого материала справедливо отмечено, что «многовековая культура русского народа, нашедшая отражение в древнерусских памятниках и в устном творчестве, оказала большое влияние на Ломоносова — поэта, писателя-историка и автора теоретических трудов в области словесности» (стр. 223). Комментируя «Письмо...» Ломоносова, Г. Н. Моисеева обращает внимание на то, что ученый придавал большое значение древнерусскому языку: «Ломоносов говорит о малом различии „древнего языка от нынешнего“ и поэтому настаивает на необходимости обращаться к языку древнерусских памятников как важному стилеобразующему фактору. Этот вывод, сделанный Ломоносовым на основании глубокого изучения древнерусской литературы, не имеет никаких аналогий в западноевропейских руководствах по теории поэзии, внимательно изученных Ломоносовым в период обучения в Германии» (стр. 232). Тезис В. С. Баевского о «двух реформах» является по меньшей мере недоказанным.

Несомненно, предпочтительнее позиция тех исследователей, которые, подобно С. М. Бонди, обращают внимание на «совместные усилия» Тредиаковского и Ломоносова.⁵⁹

Наиболее плодотворным представляется подход Л. И. Тимофеева, который писал, что «совершившаяся в 30-х годах XVIII века стихотворная реформа вполне правомерно может быть определена как реформа Тредиаковского—Ломоносова».⁶⁰ Исследователь справедливо полагает, что «Тредиаковский... не сумел отойти от старой синтаксической системы», а «Ломоносов не только обратился к новому ритму, но и *связал эту ритмическую реформу с новой лексикой и новым синтаксисом*»; если Тредиаковский реформировал русскую ритмику, то Ломоносов совершил «*ритмико-синтаксическую реформу русского стихосложения*».⁶¹

На большое значение деятельности Тредиаковского как стиховеда обратили внимание еще Радищев и Пушкин. В «Памятнике дактилохорейческому витязю» (1801) Радищев характеризовал теоретика стихосложения как «человека ученого в стиховорстве»,⁶² хотя и критиковал лексические несообразности и эвфоническую неблагозвучность («какофонию») в «Тилемахиде».

Высоко оценивая деятельность Ломоносова, которого он считал «великим человеком» и «первым нашим университетом», Пушкин отдавал должное и Тредиаковскому: «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков».⁶³

Определенный вклад в формирование тонической системы стихосложения внес Кантемир в «Письме Харитона Макентина к приятелю

⁵⁹ С. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, стр. 82. Ср.: А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 483; И. П. Еремич. Лекции по древней русской литературе. Изд. Ленинградского университета, 1968, стр. 199; В. Е. Холшевников. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Изд. 2-е, перераб., Изд. Ленинградского университета, 1972, стр. 24; [А. В. Западов]. Ломоносов. В кн.: Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Изд. «Промышленность», М., 1974, стр. 85 (А. В. Западов, впрочем, не совсем точно интерпретирует позицию Ломоносова в отношении долготы и краткости слогов, противопоставляя его в этом отношении Тредиаковскому); К. Д. Вишневский. Русская метрика XVIII века, стр. 139; Г. Н. Моисеева. Ломоносов и древнерусская литература, стр. 231.

⁶⁰ Л. Тимофеев. Василий Кириллович Тредиаковский, стр. 39.

⁶¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 333, 338, 323, 339. О синтаксических преобразованиях в стихе Ломоносова см. стр. 333—339.

⁶² А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 221.

⁶³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 249, 253.

о сложении стихов русских». Не приемля стопность, Кантемир пытался применить к силлабическому стиху элементы тонического принципа: «Но нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса». ⁶⁴ Кантемир, по существу, вводил трехсложные размеры в примерах на «осьмисложные стихи» — с ударением на первом, четвертом и седьмом слогах, т. е. дактиль («Твари владыко всемогущий...»), и с ударением на втором, пятом и восьмом слогах, т. е. амфибрахий («Недолго число наших дней...»). ⁶⁵

Определенную роль в формировании системы «тонического» стихосложения сыграли работы Сумарокова, посвященные стихосложению, особенно его статья «О стопосложении», где было отчетливо указано на значение пяти размеров, которые впоследствии и образовали основной метрический фонд русского классического стиха: «Сии пять стоп суть: Хорей, Ямб, Дактиль, Амфибрахий, Анапест». ⁶⁶ Полемизируя против того, чтобы спондей и пиррихий считать самостоятельными стопами, Сумароков обосновывал необходимость пиррихий законами языка: «Длина слов наших извиняет писателя во употреблении пиррихийев; ибо без сея вольности и стихов сочинять не можно...» ⁶⁷

* * *

Последний этап реформы русского стихосложения в XVIII веке связан с работами Тредиаковского 1750-х годов, новым, дополненным изданием трактата (1752) и сочинением «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», которое подвело итоги двадцатилетним исканиям русских филологов, в том числе и самого автора, в разработке теории стиха, опирающейся уже и на поэтическую практику крупнейших русских поэтов.

Учитывая реальные факты историко-литературного развития, следует признать, что по исследованиям Тредиаковского все интересующие поэзией могли познакомиться не только с его собственными взглядами, но и взглядами его оппонентов — ведь «Письмо...» Ломоносова было напечатано только в 1778 году и до опубликования было известно сравнительно узкому академическому кругу.

Самокритично признаваясь, что трактат 1735 года «был недостаточен» из-за отсутствия ямба, трехсложных размеров и вследствие излишне строгой регламентации сочетания стихов, Тредиаковский и в последнем издании трактата говорит об основополагающем значении тонического принципа: «Впрочем, да не мнят охотники, что сей способ есть разный от первого: ибо на том же Тоническом количестве слогов, что есть душа и жизнь всего нашего стихотворения, есть основан. Хотя Хорей, хотя Иамб, хотя Дактиль или Анапест употребится в дело, но во всех сих стопах тот есть слог долгий, на который сила бьет». ⁶⁸

В работе «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Тредиаковский выступил не только как теоретик, но и как первый историк русского стиха: он выделил древнее (фольклорное и церковное), среднее, т. е. силлабическое, «стихотворение польское» (стр. 434) и новое, тоническое.

Описывая появление силлабического стихосложения, теоретик, не ограничиваясь констатацией польского влияния, попытался отметить

⁶⁴ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 413 (Библиотека поэта, большая серия).

⁶⁵ Там же, стр. 420.

⁶⁶ А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. X, стр. 54.

⁶⁷ Там же, стр. 55.

⁶⁸ Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского, т. I, СПб., 1752, стр. 154.

предпосылки, сделавшие возможным появление силлабики в русском языке — «некоторые в народе старинные присловия, в коих так называемая фигура гомеотелетон играет» (стр. 436). Тем самым Тредиаковский вступил в ведущиеся до сих пор споры: некоторые современные исследователи, оперирующие только факторами «культуры», не учитывают того, что без соответствующей традиции русского стиха восприятие польской силлабики было бы невозможно.

Под влиянием работ Ломоносова и в какой-то степени, видимо, Кантемира и Сумарокова Тредиаковский, резко заявив о своем приоритете (стр. 441), пересматривает номенклатуру размеров, предоставляя все права двусложным и трехсложным размерам, и допускает возможность сочетания мужских и женских рифм (стр. 446).

Вновь возвращается Тредиаковский к вопросу о соответствии стиха законам языка, критикуя «долготы», применяемые Смотрицким, за то, что они «весьма дики нашему взору и слуху, а природе словенского языка отнюдь не свойственны» (стр. 434). «Количество» в грамматике Смотрицкого, не уставал повторять теоретик, «нам всеконечно не сродно» (стр. 442).

Характеризуя «новый» способ как «совершенно легкий и нам природный» (стр. 434), Тредиаковский поставил вопрос о «системе» стихосложения (стр. 444, 448). Еще раз настаивая на том, что «новая система» «во всем подобна оному («самому древнему нашему стихотворению», — Б. Г.) первобытному нашему, кроме рифмы», Тредиаковский предлагал называть ее «возобновленную, а не новою» (стр. 449). Как видим, проблема национальных истоков реформы стихосложения волновала Тредиаковского на протяжении нескольких десятилетий.

* * *

В рамках статьи мы не смогли остановиться на всех вопросах, касающихся реформы русского стихосложения в XVIII веке, в частности путей дальнейшего развития взглядов на стих, сформулированных Тредиаковским, Ломоносовым и другими теоретиками. Это развитие связано с деятельностью А. Востокова, который, сосредоточившись преимущественно на «сказочном размере» (т. е. былинном стихе), разработал зачатки методики интонационного анализа стиха, когда стремился исследовать «слова... в периоде или в стихе» с учетом «связи мыслей, ими изображаемых».⁶⁹

Мы затронули некоторые дискуссионные взгляды на реформу, которая, видимо, всегда будет вызывать оживленные споры. Но от дискуссионных точек зрения должны быть отделены и отвергнуты попытки (характерные, в частности, для Р. Силбайориса) лишить реформу русского стихосложения национальных истоков, обрубить корни, связывающие ее с фольклорной поэзией.

Стихотворная реформа в русской поэзии XVIII века по справедливости может быть названа реформой Тредиаковского—Ломоносова. Если Тредиаковский, еще ориентируясь на форму силлабического стиха и опираясь на народные песни с хореической основой, ввел понятие «тонического» принципа, т. е. резко реформировал ритмику, то Ломоносов, учитывая сделанное предшественником и полемизируя с ним в ряде положений, довел до логического конца заложенные в теории Тредиаковского ритмические возможности, а также приспособил к тонике лексику и синтаксис, т. е. преобразовал стих как систему речи.

⁶⁹ Опыт о русском стихосложении. Сочин. Александром Востоковым. Изд. 2-е, значит. доп. и испр., СПб., 1817, стр. 163—164, 98. В основе интонационного анализа лежало учение о «прозодическом периоде», который образуется выдвижением главного ударения и приглушением остальных.

«Тоническое» (или, используя современную терминологию, — силлабо-тоническое) стихосложение, утвердившееся в русской поэзии XVIII века, увеличило возможности стиха как содержательной формы поэзии и способствовало ее дальнейшему расцвету.

Заслугой реформаторов русского стихосложения XVIII века было обращение к фольклору (прежде всего — песенному) как фундаменту национальной художественно-речевой культуры. Это не означает конечно, что в результате преобразований стиха все возможности фольклорной поэзии были исчерпаны. Другие стороны фольклорного стиха отразились в творчестве многих поэтов XIX—XX веков и прежде всего — Маяковского; выдающийся советский поэт использовал те ресурсы народной поэзии, которые до этого оставались в тени (возможности синтаксических построений, акустическую рифму и др.).⁷⁰

Стиховедческие работы Тредиаковского и Ломоносова имели большое общекультурное значение и потому, что способствовали нормализации ударений в русском литературном языке. В период формирования и стабилизации системы ударений, в основе своей сохранившейся до нашего времени, ритмологические исследования русских ученых обращались к живой практике произношения и акцентуации, оказывая тем самым воздействие на культуру литературной речи в целом.

⁷⁰ Об использовании ресурсов фольклорной поэзии в стихе Маяковского см. в нашей брошюре «О поэтике Маяковского» (изд. «Знание», М., 1973, стр. 50—56).

